

С. Райнхольд

В НОВЫЙ МИР — ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ АРХЕТИПОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРАЗИИ ПОСЛЕ НЕОЛИТА

doi: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-62-73

УДК 903.26:730

ББК 63.4 +815.13

Изображение человека в древней пластике — один из наиболее интересных аспектов исследования представлений древних людей о себе. Изображения предков или божеств отражают основы социального и насущного в жизни конкретного общества и, таким образом, служат важным средством проявления социальных отношений. Заметный сдвиг в развитии скульптурной пластики отмечается в конце неолита. Изображения человека, которые тысячелетиями были представлены небольшими глиняными или каменными фигурками, предназначенными преимущественно для повседневной жизни, претерпевают существенные изменения: они становятся скульптурными портретами конкретных людей с обозначением пола и статуса. Эти каменные стелы, или статуи-менгиры, были распространены на обширной территории от побережья Атлантики до Алтая. Но что стоит за этим явлением, нашедшим выражение в каменных изваяниях с поразительно похожей иконографией и предназначением в качестве публичных символов? Служат ли каменные скульптуры отражением миграции населения, или же они являются средством нового интеллектуального выражения индивидуальности, и роли социального в неолитических обществах в период их трансформации к более сложной общественной организации, характерной для бронзового века?

Ключевые слова: *статуи-менгиры, изображения человека, социальные инновации, медный век*

«Сама по себе телесность скульптуры наделяет ее способностью вызывать в воображении образы отсутствующих»

ЛаГамма 2011, 5¹

Изображения человека и их коннотации в постнеолитическую эпоху

Тысячелетиями неизвестные художники воплощали в камне, дереве, глине и в других материалах скульптурные портреты бигменов или божеств. Широкий диапазон антропоморфных фигурок — от абстрактных, идеализированных до портретных — представлен в культурах большинства обществ прошлого. Длительное время эти артефакты воспринимались как изображения богов и богинь,² но сегодня акцент смещается в сторону осмысления роли этих предметов в формировании и поддержании социальных и ритуальных связей в коллективах, которые их использовали.³ Они являются неотъемлемой частью

самовосприятия и визуальным выражением социумов.⁴

Дописьменные общества передают следующим поколениям сведения о своих традициях и истории в устной форме, закрепляя нормы и верования в преданиях, которые объясняют существующие социальные практики.⁵ Героические предки или божества, запечатленные в образах человека, их деяния и поведение, наряду с реальными или воображаемыми событиями, являются значимым компонентом преданий, формирующих коллективную память. В таких преданиях святилища, курганы или другие памятники маркируют ландшафт и выполняют роль мнемонических символов.⁶

¹ LaGamma A. Heroic Africans: legendary leaders, iconic sculptures. New York, 2011. P. 5.

² См.: The Oxford handbook of prehistoric figurines. New York, 2017.

³ См.: Telegin D. Ya., Mallory J. P. The anthropomorphic stelae of the Ukraine: The early Iconography of the Indo-Europeans.

Washington, 1994. P. 40–54; Hansen S. Bilder vom Menschen der Steinzeit: Untersuchungen zur anthropomorphen Plastik der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Südosteuropa. Mainz, 2007; Lesure R. G. Comparative Perspectives in the Interpretation of Prehistoric Figurines // The Oxford handbook of prehistoric figurines. P. 37–60.

⁴ См.: Robb J. People of Stone. Stelae, personhood, and society in prehistoric Europe // Journal of Archaeological Method and Theory. 2009. Vol. 16, № 3. P. 162–183.

⁵ См.: Vansina J. Oral traditions as history. London, 1985; Conner P. How societies remember. Cambridge, 1989.

⁶ См.: Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992.

Райнхольд Сабина — доктор наук, с.н.с., Евразийский отдел, Германский археологический институт (Германия, Берлин)
E-mail: sabine.reinhold@dainst.de

Рис. 1. Неолитические фигурки и статуи-менгиры.

Каменная скульптура конца IV — III тыс. до н. э. знаменует собой начало новой эры в изображении человека в эпоху после неолита. В конце докерамического неолита с его гигантскими каменными стелами в Анатолии⁷ доминирующее положение заняли небольшие или средних размеров глиняные фигурки. Частота их обнаружения и стиль исполнения значительно различались в разных частях Европы, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Практически все они были найдены в контексте, на поселениях.

Ситуация резко меняется в позднем неолите. В V тыс. до н. э. первые неорнаментированные либо слегка декорированные мегалиты появляются на северо-западе Европы.⁸ С конца IV тыс. до н. э. на их основе начинает складываться инновационный жанр скульптурных изображений с использованием иной иконографии и новых форм выразительности. Статуи-стелы или статуи-менгиры встречаются по всей Европе (рис. 1), чаще группами с выраженной местной стилистикой.⁹ Статуи-стелы конца IV — III тыс.

до н. э. обнаружены и за пределами Европы — в Монголии¹⁰ и на Аравийском полуострове,¹¹ на Кавказе и Ближнем Востоке¹² (рис. 2). Наличие внутренней связи между ними, как и их датировки, остается спорным вопросом. Эти скульптурные группы повсеместно заменяют собой изобразительную традицию неолита.

Каменная скульптура означает переход от лепки, т. е. работы с пластичным материалом, к ваянию, т. е. к отсечению лишнего, что является значительно более сложной техникой. Размер фигур варьировался в среднем от 15–30 см до 70–450 см и более.¹³ Многие статуи-менгиры были обработаны со всех сторон, что придавало им трехмерную выразительность (рис. 3). С переходом к другому материалу изменилась «телесность» скульптур, их долговечность и количество. Каменные изваяния трудно передвинуть без значительных усилий. Количество неолитических глиняных фигурок в Европе, Западной и Центральной Азии различается, но исчисляется десятками тысяч.¹⁴

⁷ См.: Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гебекли Тепе. СПб., 2011.

⁸ См.: Schulz-Paulsson B. Time and Stone. The emergence and development of megaliths and megalithic societies in Europe. Oxford, 2017.

⁹ См.: De Marinis R. C. La datazione dello stile III A // Le pietre degli dei: menhir e stèle dell'età del rame in Valcamonica e Valtellina. Bergamo, 1994. P. 69–88, fig. 20; D'Anna A. Les statues-menhirs en Europe à la fin du Néolithique et au début de l'Âge de Bronze // Statues-menhirs : des énigmes de pierre venues du fond des âges. Rodez, 2002. P. 175, 176.

¹⁰ См.: Ковалев А. А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб., 2012.

¹¹ См.: Neweton L. S., Zarins J. Aspects of Bronze Age art of southern Arabia: The pictorial landscape and its relation to economic and socio-political status // Arabian Archaeology and Epigraphy. 2000. 11. С. 154–179.

¹² См.: Poidebard A. Statue trouvée a Tell Brak: avril 1930 // Syria. 1930. 11. 4. P. 360–364; Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973.

¹³ См.: Maillé M. Hommes et femmes de pierre. Statues-menhirs du Rouergue et du Haut-Languedoc. Toulouse, 2010. P. 102–111, fig. 77–78.

¹⁴ См.: The Oxford handbook of prehistoric figurines.

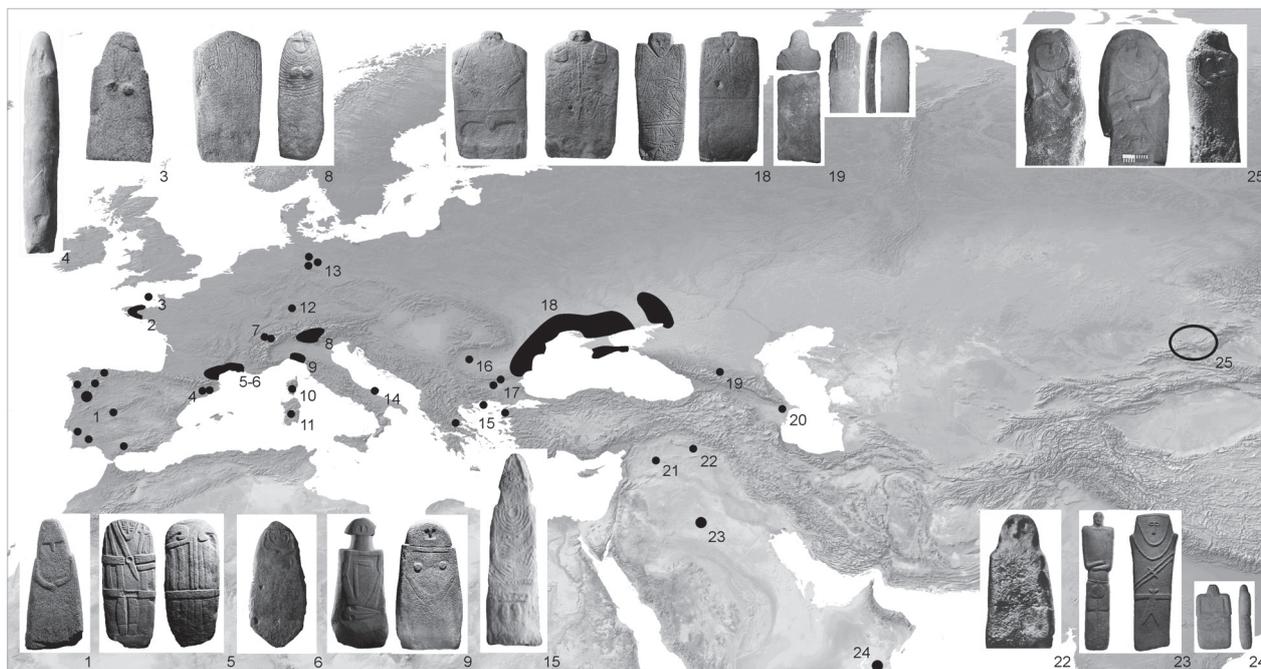

Рис. 2. Карта регионов обнаружения статуй-менгиров и характерных статуй:
 1 — Испания и Португалия (Вадо аль Арансио), 2 — Бретань, 3 — Нормандские острова (Кастель),
 4 — Каталония (Плайя де ла Прунерес), 5 — Руэрг и Верхний Ланкедок (Ла Жассе дю Терраль 1),
 6 — Прованс (Коллорг), 7 — Долины Вале и Аоста, 8 — Итальянские Альпы (Арко I и IV), 9 — Луниджана,
 10 — Корсика, 11 — Сардиния, 12 — Южная Германия, 13 — Центральная Германия, 14 — Южная Италия,
 15 — Восточное Средиземноморье (Суфли Магула), 16–17 — Юго-Восточная Европа, 18 — Северопонтийская степь
 (Хаманджия, Керносовка, Наталевка), 19, 20 — Кавказ (Нальчик), 21, 22 — Сирия (Тель Брак), 23 — Ха'иль,
 Саудовская Аравия (Тайма), 24 — Хадрамаут, Йемен (Рок), 25 — Монголия (Каратас 3 № 1-2, Каббулой).
 Карта составлена по материалам публикации Д'Анна (2002) с дополнениями (иллюстрации см. ссылку 1)

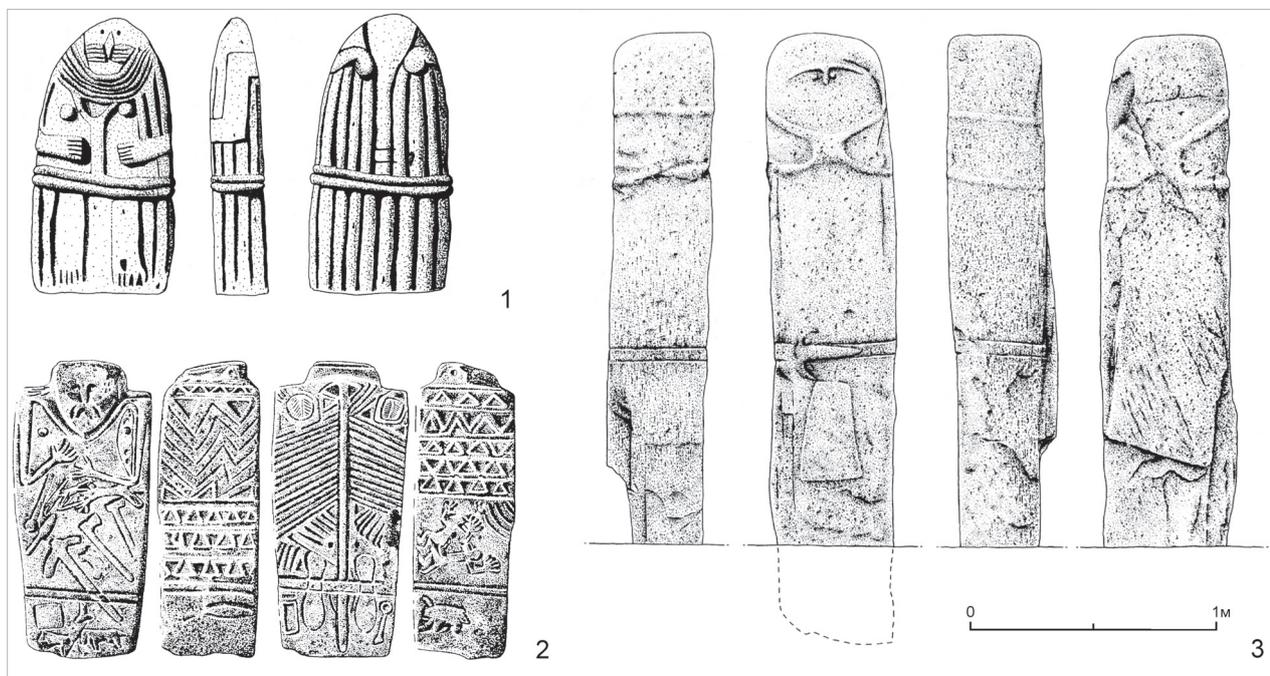

Рис. 3. Статуи-менгиров как основа для изображений:
 1 — Сен-Сернен (D'Anna 2002), 2 — Керносовка (Telegin, Mallory 1994, рис. 9),
 3 — Вильяр-дель-Ала (Bueno Ramirez 1995, рис. 25)

С другой стороны, нам известно лишь чуть более 1 100 каменных скульптур энеолита и раннего бронзового века.¹⁵ Большинство скульптур обнаружены за пределами поселений. Чаще они встречаются вместе с погребальными объектами либо составляют группы из нескольких фигур на хорошо просматриваемом ландшафте.

Антропоморфные стелы иногда находят во фрагментированном виде из-за их вторичного использования для строительства гробниц. Яркими примерами являются фрагменты стел на погребениях Валле-д'Аоста-Сен-Мартен-де-Корлеан и Сион-Пти-Шассер.¹⁶ На этих памятниках можно проследить последовательность событий, иллюстрирующих сложные ритуалы, связанные с возведением, разрушением и повторным использованием статуй-менгиров. Разбитые и повторно использованные стелы встречаются практически повсеместно, где находят статуи-менгиры. Объяснения этого явления сводятся к борьбе новых поколений с традиционными верованиями.¹⁷ Но ритуальная порча могла быть составной частью как самого смысла этих объектов, так и той деятельности, с которой они были связаны.¹⁸

Процесс трансформации от неолитической портативной пластики к каменным изображениям в полный рост и больше человеческого роста не был ни линейным, ни преднамеренным. При этом нарратив, лежащий в основе обеих изобразительных традиций, отражает важный переход от повседневного, личного пользования к публичной демонстрации.

¹⁵ Подробнее о статуях-менгирах см.: Statue-stele e massi incisi nell'Europa dell'Età del Rame // *Notizie Archeologiche Bergomensi* 3, 1995; Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область. Археология СССР. САИ В1-3. Киев, 1986; Telegin D. Ya., Mallory J. P. Op. cit.; De Marinis R. C. Op. cit.; Neweton L. S., Zarins J. Op. cit.; Statues-menhirs et pierres levées du Néolithique à aujourd'hui. Montpellier, 2015; Ковалев А. А. Указ. соч.; и др.

¹⁶ См.: Mezzena F. Le stele antropomorfe nell'area megalitica di Aosta // *Dei di pietra: La grande statuaria antropomorfa nell'Europa del III millennio a. C.* Milano, 1998. P. 90–121; Corbud P. Les stèles anthropomorphes de la nécropole du Petit-Chasseur à Sion (Valais, Suisse) // *Bulletin d'Etudes Préhistoriques et Archeologiques Alpines*. 2009, XX. P. 9–97.

¹⁷ См.: Телегин Д. Я. Енеолітичні стели і пам'ятники нижньомихайлівського типу // *Археологія*. 1971. 4. С. 3–17; Чеченов И. М. Указ. соч. С. 16; Harrison R. J., Heyd V. The transformation of Europe in the third millennium BC: the example of "Le Petit-Chasseur I þ III" (Sion, Valais, Switzerland) // *Prähistorische Zeitschrift*. 2007. 82. P. 129–214.

¹⁸ См.: Chapman J. Fragmentation in archaeology; people, places and broken objects in the prehistory of South-East Europe. London; New York, 2000.

Статуи-менгиры: хронология, распределение

Антропоморфные статуи-менгиры представляют собой каменные скульптуры, напоминающие силуэт человека и обладающие некоторыми его атрибутами (лицо, руки и ноги). Они отличны от антропоморфных стел, передающих лишь очертания человека, от менгиров без резных изображений, квадратных каменных плит или блоков с изображениями.

Концом IV — III тыс. до н. э. датируется большая часть статуй-стел. Первые декорированные менгиры появились в Бретани и, вероятно, на Иберийском полуострове в середине — конце V тыс. до н. э., а первые небольшие статуи-стелы с изображением человеческого лица известны на юге Франции начиная с первой половины IV тыс. до н. э.¹⁹ Более совершенные антропоморфные стелы с личинами появились в конце IV — начале III тыс. до н. э. на юге Франции и на Иберийском полуострове,²⁰ в Восточном Средиземноморье, Северном Причерноморье и на Кавказе.²¹ Повсеместное создание статуй-менгиров продолжалось на протяжении всего III тыс. до н. э. при почти полном отсутствии эволюции стиля, которая позволила бы провести их хронологическую атрибуцию. Наиболее отдаленные примеры статуй-стел из Центральной Азии и Аравии датируются по синхронным погребениям серединой III и IV–III тыс. до н. э. соответственно.²²

Поразительное иконографическое сходство статуй-менгиров, расположенных на больших расстояниях друг от друга, отмечено давно.²³ Это сходство породило дискуссии, в ходе которых высказывалась гипотеза о возможном существовании первичного центра, из которого произошло повсеместное их распространение, в противовес гипотезе об их автохтонном происхождении на общей идеологической основе. В зависимости от интерпретации стел, для обоснования стилистических особенностей предлагалась гипотеза их распространения

¹⁹ См.: D'Anna A. Op. cit. Fig. 165, 166.

²⁰ См.: Maillé M. Op. cit.

²¹ См.: Belinskij A., Hansen S., Reinhold S. The Great Kurgan from Nalčik. A Preliminary Report // *At the northern frontier of Near Eastern archaeology: recent research on Caucasia and Anatolia in the Bronze Age*. Turnhout, 2017. P. 13–32.

²² См.: Ковалев А. А. Указ. соч.; Neweton L. S., Zarins J. Op. cit.
²³ См.: Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. МИА. № 165. М., 1969.

с запада на восток.²⁴ Ученые же, которые связывали иконографию статуй-менгиров с индоевропейской мифологией, настаивали на их распространении с востока на запад, проводя параллели с миграциями древних индоевропейцев.²⁵ К этой идее вновь обратились Р. Харрисон и В. Хейд, указывая на заметные идеологические трансформации в Европе, связанные с расселением племен ямной культуры.²⁶ Так, с учетом датировок IV тыс. до н. э. и других причин культурной трансформации в Европе III. Женес поддерживает гипотезу распространения статуй-стел с востока на запад.²⁷

С другой стороны, контекстуальные и хронологические различия очевидны: «...стелы встречаются достаточно широко, в разнообразных контекстах и на протяжении очень длительного времени, чтобы интерпретировать их как простое распространение одной и той же традиции».²⁸

В таком случае что стоит за этим явлением, нашедшим выражение в сооружении каменных изваяний с поразительно похожей иконографией в столь отдаленных друг от друга регионах — от Иберийского полуострова до Монголии?

Аспекты фигуративной программы

Один из подходов к изучению статуй-менгиров акцентирует внимание на эстетике тела в противовес иконографической программе. Столь же важным аспектом является схематизация изображения фигуры в абстрактной, геометрической форме с минимумом персонализирующих признаков.²⁹ Вопреки различиям в форме и стиле, получаемые проекции в основе имеют общее. Несмотря на трехмерность, большая часть статуй-менгиров представляет собой плоскую каменную скульптуру с прямоугольным основанием, воспроизводящую облик человека и предметов. Ярким примером являются изваяния с явной дистопией конечностей, а в некоторых традициях — с моделированием

головы. Абрис изваяний геометризован, реалистично моделированы антропоморфные признаки и атрибуты — конечности, украшения или оружие. В совокупности они создают образ идеализированного человеческого персонажа в виде определенного социального архетипа в сопровождении инсигний.

В результате такого перехода к геометрическим формам изобразительная программа статуй-менгиров стала существенно отличаться от визуальных канонов неолита с его акцентом на пластичность человеческого тела, на объемность и игнорированием большинства дополнений, помимо росписи тела.³⁰

В Месопотамии, и в целом в Евразии в IV — III тыс. до н. э. сформировался жанр каменных скульптурных изображений среднего размера.³¹ Более поздние статуи представляли собой в значительной мере стилизованные фигуры, тем не менее похожие на людей со сформированными конечностями и более реалистичными лицами. Эти художественные принципы следуют своей собственной внутренней логике и тесно связаны с искусством и социальной организацией соответствующих обществ. Различия в изобразительных традициях и соответствующих идеологических системах заставляют с осторожностью привлекать отдельные элементы в качестве аналогий для интерпретации статуй-менгиров Западной и Центральной Евразии.

Тело и его представление

Для большинства изображений человека характерно наличие головы или лица. Это относится и к статуям-менгирам. К постоянным элементам можно отнести глаза и нос, четко оформленное лицо встречается только у отдельных групп. Другими атрибутами являются предплечья и кисти рук. Д. Я. Телегин и Дж. Малори³² учитывали различия в положении рук для разделения понтийских статуй-менгиров на три категории (см. рис. 4, 1). Аналогичная иконография характерна для большинства областей, где обнаружены каменные стелы. Тип А встречается, помимо понтийских групп, на юге Франции, в Швейцарии и в Монголии. Поза с поднятыми предплечьями представлена только в понтийских и монгольских группах. Но

²⁴ См.: Häusler A. Anthropomorphe Stelen des Eneolithikums in nordpontischen Raum // Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther Universität Halle-Wittenberg. 1966. 15. 1. S. 29–73; D'Anna A. Op. cit.; Ковалев А. А. Указ. соч.

²⁵ См.: Anati E. The Alpine Menhir-statues and the Indo-European Problem // The Bronze Age in the Thracian Lands and Beyond. Miland, 1988. P. 215–247.

²⁶ См.: Harrison R. J., Heyd V. Op. cit.

²⁷ См.: Jeunesse C. Les statues-menhirs de Méditerranée occidentale et les steppes. Nouvelles perspectives // Statues-menhirs et pierres levées du Néolithique à aujourd'hui. Montpellier, 2015. P. 123–138.

²⁸ Robb J. Op. cit. P. 179.

²⁹ Ibid. P. 173, 174.

³⁰ Hansen S. Op. cit. P. 336–345.

³¹ Moortgat A. Die Kunst des Alten Mesopotamien. Sumer und Akkad. Köln, 1982. Fig. 6–13; D'Anna A. Op. cit. P. 186, fig.

³² Telegin D. Ya., Mallory J. P. Op. cit. Fig. 6; 59–68; 70–97; 89–90; 95–110.

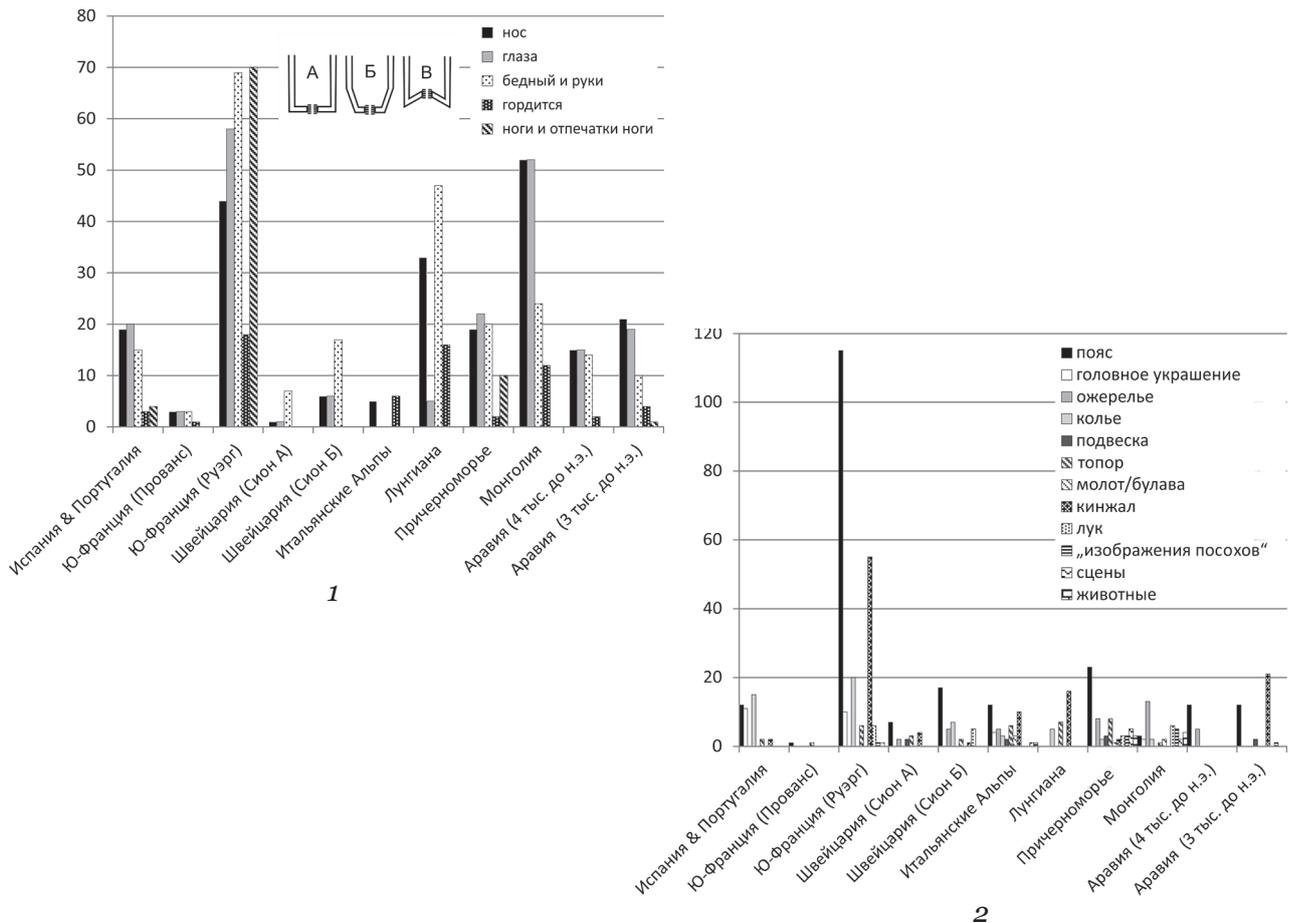

Рис. 4. Детализация статуй-менгиров

эта поза характерна и для каменных скульптур Месопотамии.³³ Было бы заманчиво провести параллель и сопоставить иконографию,³⁴ однако фигурки, изображающие человека в позе молящегося, скорее всего, относятся к категории скульптурных изображений, совершенно отличных по своему символическому значению от статуй-менгиров.

Маркер пола

Статуи-менгиры изображали персонажей обоих полов. Женские фигуры воспроизводились с помощью реальных половых признаков (рис. 5); мужские — через предметы, например оружие (рис. 6). Большая часть хорошо сохранившихся статуй-менгиров³⁵ отражает гендерный баланс.³⁶ В целом, 31 % статуй снабжены доспехами, у 16 % — передана женская грудь, у 19 % — ожерелья и, таким образом, их

можно отнести к женским изображениям; у 34 % — отсутствуют признаки пола.

Однако наиболее важным атрибутом на статуях-менгирах можно считать пояса, которые делят их на зоны (см. рис. 4, 2). И действительно, пояс является одним из наиболее ранних атрибутов изображения человека. На некоторых из статуй X тыс. до н. э. из Гебекли Тепе изображены пояса.³⁷ На неолитических фигурках среди немногих атрибутов также иногда изображались пояса и кушаки. Наряду с ожерельями, они являются единственными элементами, встречающимися в до- и постнеолитических изображениях человека независимо от пола.

Маркеры социального статуса

Около одной трети сохранившихся статуй-менгиров «снабжены» оружием (см. рис. 6). На альпийских и понтийских статуях воспроизведены предметы вооружения, соотносящиеся с материальной культурой из синхронных могильников или кладов.³⁸ Для обеих групп

³³ Moortgat A. Op. cit.

³⁴ Telegin D. Ya., Mallory J. P. Op. cit. P. 19.

³⁵ Поскольку этот обзор не носит исчерпывающего характера, я отобрала 408 статуй-менгиров из всех географических регионов, представленных в хорошо иллюстрированных каталогах.

³⁶ См.: Robb J. Op. cit. P. 174, 175.

³⁷ См.: Шмидт К. Указ. соч.

³⁸ См.: De Marinis R. Op. cit. P. 69–88.

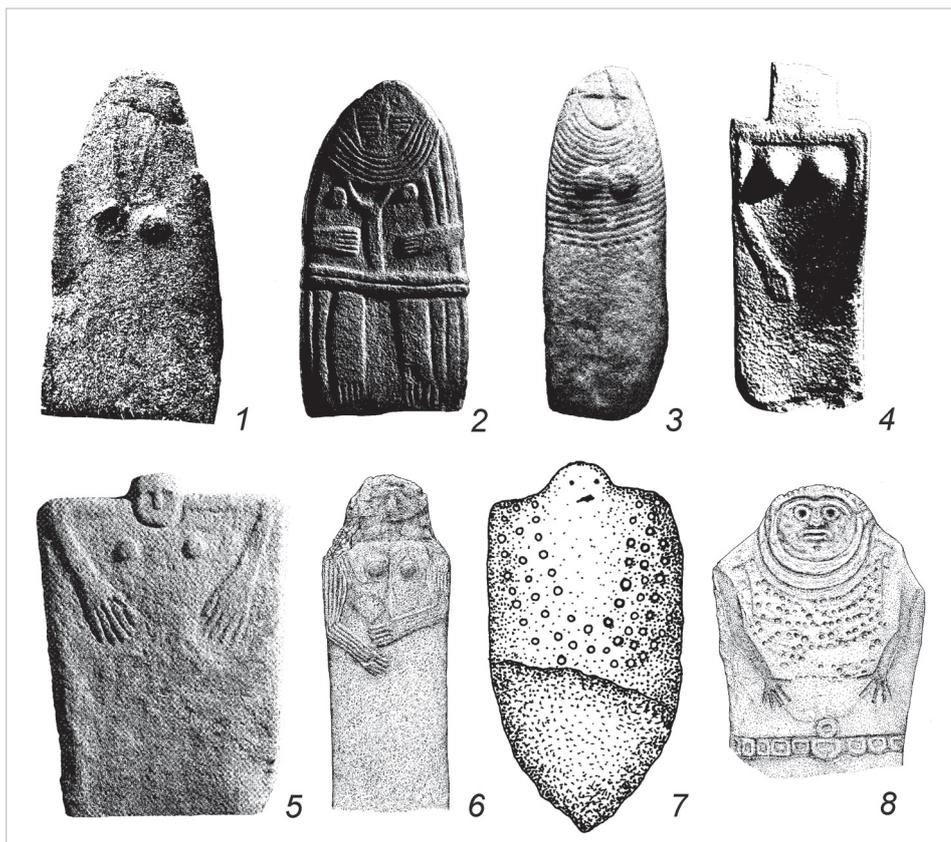

Рис. 5. Женские статуи-менгиры:

1 — Кастель, 2 — Сен-Сернен, 3 — Арко IV, 4 — Грополи I, 5 — Тиритака 1, 6 — Кабулои, 7 — Шевченково, 8 — Ахтаму (1–4 D'Anna 2002; 5, 8 — Ковалев 2012; 7 — Telegin, Mallory 1994, рис. 21-2)

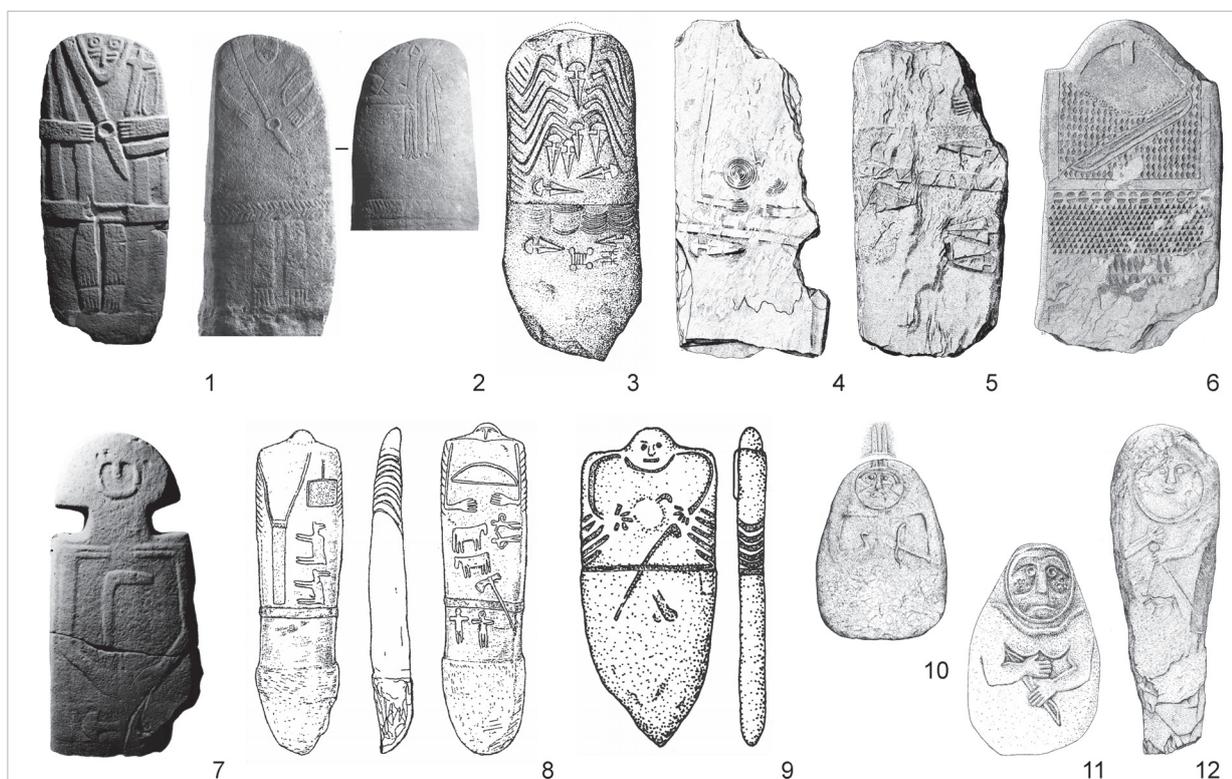

Рис. 6. Мужские статуи-менгиры:

1 — Ла Жассе дю Терраль 1, 2 — Морель, 3 — Лагундо/Альгунд 2, 4–6 — Сион-Пти-Шассер 2, 24 и 25, 7 — Минуччано, 8 — Верхоречье, 9 — Новоселовка, 10 — Ягшийн ходоо № 3, 11 — Кокшим № 2, 12 — Каратас 3 № 2 (1–3, 7 — D'Anna 2002, 4 — Corbud 2009, 8 — Черняков 1995, 9 — Telegin, Mallory 1994, рис. 11-1, 10–12 — Ковалев 2012)

характерна еще одна общая черта: несколько статуй «экипированы» большим числом разнообразных предметов (кинжалы, топоры, клевцы, луки и стрелы). Подобная чрезмерность в арсенале характерна для идеологии воинской элиты раннего бронзового века.³⁹ Тем не менее, за исключением названных групп стел, изобилие оружия не столь типично для других регионов. Наиболее распространенными были изображения мечей и кинжалов. Не менее популярными были луки. К женским аксессуарам относятся подвески, в меньшей степени — ожерелья.

Стелы, обнаруженные в швейцарских Альпах, демонстрируют хронологический сдвиг значимости оружия. Для ранней группы (около 2800–2500 л. до н. э.) характерны кинжалы и топоры. Все пять персонажей с луками относятся к более позднему периоду (после 2500 л. до н. э.). Однако луки присутствуют в иконографии декорированных мегалитов уже в V тыс. до н. э. в Бретани.⁴⁰ Они представлены в росписях каменных гробниц конца IV тыс. до н. э. в Центральной Германии и на Северном Кавказе,⁴¹ а также известны на Востоке и Западе в погребальных комплексах задолго до культуры колоколовидных кубков.⁴² Другие «мужские» атрибуты преимущественно единичны.

Многие авторы, сравнивая иконографию южнофранцузских, альпийских, понтийских и монгольских статуй-менгиров, имеют в виду именно предметы вооружения.⁴³ Гипотезы о их функциональном назначении (например, в качестве символов власти или для изображения героев-воинов) можно выдвигать на основе этнографических данных. Однако использование гипотетической функциональности и символического значения для реконструкции связей между группами порождает логические ошибки. В таких исследованиях игнорируются проблемы датировки и тот факт, что встречаемость и композиционное

расположение описываемых объектов сильно различаются.

Говоря о понтийских стелах, можно утверждать, что скульптуры из Казанков, Ак-Чокрак и Верхоречья являются сходными, их можно объединить в одну группу, исходя из их удлиненной прямоугольной формы, дизайна верхней части и изображенных на них сцен сражений людей и животных. Описание этих сцен приводит В. А. Трифонов.⁴⁴ Он сравнивает их с аналогичными сюжетами на дольмене Джубга на Северном Кавказе, датированном серединой III тыс. до н. э., допуская вероятную связь со статуей-менгиром из Морель на юге Франции, и справедливо указывает на различия изображенных на них действий.

Общества, создавшие эти статуи, хотели отобразить социальный статус конкретных личностей и четко разделить их по существующим социальным категориям. Использование канона сопоставимых образов и идентичного способа сжатия информации для публичного представления говорит в пользу идеологического контекста статуй-менгиров как художественного жанра. Кроме того, обработка камня и ваение скульптур представляют собой вид деятельности, требующий практических знаний. Передача технологий ваения, наряду с новой эстетикой, относящейся к каменным скульптурам, вероятно, служила одним из связующих звеньев между разными группами. В статуях-менгирах мы видим проявление нового социального протокола оформления публичного пространства, с новым типом героев — чрезмерно вооруженных воинов и женщин в богатом убранстве. При этом он не позволяет предположить наличие единовременной волны распространения или зарождения идентичной практики, передававшейся от одного региона к другому.

Изображения, реальность и практики поминовения

Статуи-менгиры часто ассоциируются с погребальным контекстом, который предоставляет еще один способ отражения социальной классификации. При этом ни одно из погребений, связанных со статуями-менгирами или антропоморфными стелами в каком-либо из регионов, где были обнаружены такие стелы, не содержало изображенных на них предметов.

³⁹ См.: Hansen S. «Übersetzungen» in Gräbern und Horten der Frühbronzezeit // Vom Endneolithikum zur Frühbronzezeit: Muster sozialen Wandels? Bonn, 2002. P. 151–173.

⁴⁰ См.: Cassen S., Lescop L., Grimaud V. Sites de passage: la représentation de l'Arc au cours du Ve millénaire d'après les stèles de Bretagne, des Îles Anglo-Normandes et de l'Alentejo // Death as archaeology of transition: thoughts and materials. Oxford, 2015. P. 95–125.

⁴¹ См.: Резепкин А. Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб., 2011.

⁴² См.: Корневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004; Jeunesse C. Op. cit.

⁴³ См.: D'Anna A. Op. cit.; Ковалев А. А. Указ. соч.

⁴⁴ См.: Трифонов В. А. Дольмен Джубга на черноморском побережье Кавказа // Зап. ИИМК РАН. 2014. Вып. 10. С. 104–131.

Как известно, антропоморфные стелы были широко распространены и в Северном Причерноморье. Помимо статуй-менгиров, каменные плиты также ассоциируются с погребальными практиками населения ямной культуры.

Традиция использования простых стел восходит к IV тыс. до н. э.⁴⁵ Их применение для перекрытий гробниц, повторное или не по назначению, очевидно, делает идею иконоклазма весьма сомнительной. В могильниках доянного и ямного времени предметы, изображенные на стелах, встречаются крайне редко. Изогнутые каменные и втульчатые топоры типичны для вооружения ямной культуры, но встречаются довольно редко.⁴⁶ В захоронениях ямной культуры помещался скудный набор маркеров пола или статуса. В таком случае кто же был прообразом воинов, представленных статуями-менгирами в Керносовке (см. рис. 3, 2), Верхоречье (см. рис. 6, 8) или в Хаманджии (см. рис. 2, 18)? Почему причерноморские воины заказывали самим себе такие выдающиеся памятники, но не были похоронены со своим оружием?

Единственные обнаруженные захоронения, содержавшие сопоставимый набор предметов вооружения и украшений в контексте ямной или кеми-обинской культуры, это Утёвка в Среднем Поволжье⁴⁷ и курган Курбан-Байрам в Крыму.⁴⁸ Металлические предметы и их расположение в могильнике Утёвка указывают на их связь с северокавказской майкопской культурой.

В погребениях майкопской элиты часто встречаются не только прототипы предметов вооружения, изображенных на причерноморских статуях-менгирах, но и избыточное количество оружия и богатый состав погребального инвентаря, указывающий на социальный статус погребенных.⁴⁹ К сожалению, антропологический материал майкопских могильни-

ков недостаточен для установления точной корреляции погребального инвентаря с полом умерших. По-видимому, гендерные различия имели место, но для подтверждения этого необходимы антропологические исследования большего числа останков.

На Северном Кавказе известно небольшое число комплексов с антропоморфными статуями. Наиболее значимыми из них являются Кишпек 2 и Нальчик, где повторно обработанные антропоморфные стелы использовались для строительства погребальных камер.⁵⁰ Ни одна из них не содержала изображений оружия, несмотря на наличие других элементов, таких как колые, наклонные линии («ребра») или сложные головные уборы. С другой стороны, погребальный инвентарь этих могильников содержал предметы, аналогичные изображенным на стелах из Керносовки или Хаманджии. Калиброванная дата крипта в Нальчике (3092–2943 до н. э.) соотносится с концом майкопской культуры и, вероятно, приближается к датировкам некоторых причерноморских статуй-менгиров.

Корреляция между майкопскими могильниками и статуями-менгирами поразительна. Между тем в майкопской культуре, за некоторым исключением,⁵¹ не использовались изображения для украшения погребальных камер. Погребальный инвентарь отражал социальный статус, пол и могущество умерших. Это тоже иконография, предназначенная для публичного восприятия, только не вырезанная в камне и не запечатленная в красках. Более того, она присутствует только в момент похорон, а затем остается лишь в памяти участников ритуала. Коллективное строительство курганов было одновременно этапом такого выражения и местом обретения новой формы социального взаимодействия.

Новая форма социальной власти сложилась в майкопской культуре уже в первой половине IV тыс. до н. э. Она предполагала иную материальность и появление новой идеологии взаимоотношений людей и предметов. Общества причерноморской степи и других регионов, где позднее появились статуи-менгиры, приняли этот социальный протокол. Но они трансформировали его в другую выразительную форму. «Укрытие» важных предков — мужчин и женщин — в курганах, сопровождаемое рассказами

⁴⁵ См.: Телегин Д. Я. Указ. соч.; Рассмакин Ю. Я. Похоронения квітнянської культури в контексті абсолютної хронології // Археологія. 2013. № 4. С. 17–41.

⁴⁶ См.: Batora J. Kupferne Schaftlochhäxte in Mittel-, Ost- und Südosteuropa. Zu Kulturkontakten und Datierung — Äneolithikum/Frühbronzezeit // Slovenská Archeológia. 2003. LI-1. S. 1–38.

⁴⁷ См.: Васильев И. Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утёвка в Среднем Поволжье // Вопр. археологии Поволжья. 2015. 5. С. 4–46.

⁴⁸ См.: Нечитайло А. Л. Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев, 1991; Batora J. Op. cit. Fig. 4.

⁴⁹ См.: Reinhold S. Zur Konstruktion von Identität in der Bronzezeit Kaukasians // Bronzezeitliche Identitäten und Objekte. Bonn, 2012. S. 83–106.

⁵⁰ См.: Чеченов И. М. Указ. соч.

⁵¹ См.: Резепкин А. Д. Указ. соч. Ил. 12–14.

о захороненных с ними несметных сокровищах, или установка их художественного изображения в камне отражает диалектику развития отношений поминовения и выражения памяти. Отсутствие корреляции между реальными объектами и образами создает существенные проблемы в реконструкции этой новой идеологии. Традиция «монументализации» отдельных личностей посредством строительства погребальных курганов сложилась и распространилась уже в конце V тыс. до н. э. В IV тыс. до н. э. происходило развитие и быстрое распространение критически важных инноваций в металлургии, транспорте, в скотоводстве и земледелии.⁵² Однако траектории перечисленных элементов были слишком разнородными, чтобы их можно было ассоциировать с одним крупным миграционным процессом или с одной группой населения. При этом миграции населения и рост мобильности, безусловно, способствовали быстрому распространению инноваций как в техническом, так и в социальном аспектах.

Заключение

Решающие преобразования в социальной сфере и их материальное выражение, которыми были отмечены IV — III тыс. до н. э., оказали существенное влияние на формы и эсте-

тические принципы художественного изображения человека до и после этого периода. Изобразительная программа неолитических фигурок делала акцент на телесности, повседневном использовании и миниатюризации. Многочисленные неолитические фигурки служили средством интеграции общества через повседневные ритуалы, скрывающие или подавляющие различия и своеобразие. Напротив, статуи-менгиры «...представляют собой стандартизованную, упрощенную модель социального архетипа со своими формами материального воплощения для обоих полов...»⁵³

Новые архетипы медного и раннего бронзового века существовали в мире возросшей социальной дифференциации, которая была обусловлена развитием новых технологий, металлургии, новых форм связи и транспорта, появлением новых домашних животных и растений. Интенсификация экономики и растущее распространение знаний при расширяющихся возможностях обмена могли послужить реальным фундаментом для принятия новой социальной идеологии и связанной с ней иконографии.⁵⁴ Они были новыми интеллектуальными формами отражения социальных структур, толчком к развитию которых послужили решающие изменения в III или в конце IV тыс. до н. э.⁵⁵

Sabine Reinhold

PhD, German Archaeological Institute (Germany, Berlin)

E-mail: sabine.reinhold@dainst.de

INTO A NEW WORLD — HUMAN REPRESENTATION AND SOCIAL PERSONAE IN WESTERN EURASIA AFTER THE NEOLITHIC

The representation of humans in figural art is one of the most challenging aspects in prehistory. Human sculptures are some of the few statements prehistoric people left as an expression of their self-conception. Representations of essential individuals, ancestors or divine figures have the capacity to condense social principles and essential focal points of a community and are hence significant for mediating social relationships among community members. A dramatic shift in figural plastics can be noticed at the end of Neolithic. The representation of humans, which had been focused for millennia on small clay or stone figurines that were used in domestic contexts changed significantly towards sculpturing particular individuals with insignia of their gender and status in stone. These stone stelae or statue-menhirs are found from the Atlantic coast as far as the Altai Mountains. But what is behind this phenomenon of erecting stone sculptures with an astonishingly similar iconography and a comparable intention for public display? Do the stone sculptures represent migrating populations or are they the manifestation of a new intellectual discourse on personhood, commodities and the role of the social when Neolithic societies were transformed into more complex communities that characterize the Bronze Age?

Key words: *statue-menhirs, human representation, Copper Age, social innovation*

⁵² См.: Hansen S. The 4th Millennium: A watershed in European prehistory // *Western Anatolia before Troy. Proto-Urbanisation in the 4th Millennium BC?* Vienna, 2014. P. 243–259; Jeunesse C. Op. cit.

⁵³ См.: Robb J. Op. cit. P. 179.

⁵⁴ См.: Neweton L. S., Zarins J. Op. cit. P. 171.

⁵⁵ См.: Harrison R. J., Heyd V. Op. cit.; Robb J. Op. cit.; Hansen S. The 4th Millennium...; Jeunesse C. Op. cit.

REFERENCES

- Anati E. The Alpine Menhir-statues and the Indo-European Problem. *The Bronze Age in the Thracian Lands and Beyond*. Miland, 1988, pp. 215–247. (in English).
- Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. [The cultural memory. Scripture, memory and political identity in early civilizations]. München: C. H. Beck, 1992, 344 p. (in German).
- Batora J. [Copper shaft hole axes in Central, Eastern and Southeastern Europe. On cultural contacts and dating — Eneolithic/Early Bronze Age]. *Slovenská Archeológia* [Slovak Archaeology], 2003, LI-1, pp. 1–38. (in Slovak).
- Belinskij A., Hansen S., Reinhold S. The Great Kurgan from Nalčik. A Preliminary Report. *At the northern frontier of Near Eastern archaeology: recent research on Caucasia and Anatolia in the Bronze Age*. Turnhout: Brespol, 2017, pp. 13–32. (in English).
- Cassen S., Lescop L., Grimaud V. [Sites of passage: the representation of the Arc during the fifth millennium according to the steles of Brittany, Channel Islands and Alentejo]. *Death as archaeology of transition: thoughts and materials*. Oxford: Archeopress, 2015, pp. 95–125. (in French).
- Chapman J. Fragmentation in archaeology; people, places and broken objects in the prehistory of South-East Europe. London; New York: Routledge, 2000, 296 p. (in English).
- Chechenov I. M. *Nalchikskaya podkurgannaya grobnitsa* [Nalchik Undercurrent Tomb]. Nalchik: Elbrus Publ., 1973, 68 p. (in Russ.).
- Connerton P. How societies remember. Cambridge: Cambridge University Press, 1989, 121 p. (in English).
- Corbud P. [Anthropomorphic stelae from the necropolis of Petit-Chasseur in Sion (Valais, Switzerland)]. *Bulletin d'Etudes Préhistoriques et Archeologiques Alpines* [Bulletin of Prehistoric and Archaeological Studies Alpines], 2009, XX, pp. 9–97. (in French).
- D'Anna A. [The statue-menhirs in Europe at the end of the Neolithic and the beginning of the Bronze Age]. *Statues-menhirs: des énigmes de pierre venues du fond des âges* [Statues-menhirs: stone riddles from the depths of time]. Rodez: Rouergue, 2002, pp. 150–177. (in French).
- De Marinis R. C. [The dating of style III A]. *Le pietre degli dei: menhir e stele dell'età del rame in Valcamonica e Valtellina* [The stones of the gods: menhir and stele of the copper age in Valcamonica and Valtellina]. Bergamo: Museo Arch. di Bergamo, 1994, pp. 69–88. (in Italian).
- Formozov A. A. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu* [Essays on primitive art]. Moscow: Nauka Publ., 1969, 253 p. (in Russ.).
- Hansen S. [“Over-equipment” in graves and hoards of the Early Bronze Age]. *Vom Endneolithikum zur Frühbronzezeit: Muster sozialen Wandels?* [From the late Neolithic to the Early Bronze Age: patterns of social change]. Bonn: Habelt, 2002, pp. 151–173. (in German).
- Hansen S. [The 4th Millennium: A watershed in European prehistory]. *Western Anatolia before Troy. Proto-Urbanisation in the 4th Millennium BC?* Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2014, pp. 243–259. (in English).
- Hansen S. *Bilder vom Menschen der Steinzeit: Untersuchungen zur anthropomorphen Plastik der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Südosteuropa*. [Images of the man of the Stone Age: Studies on the anthropomorphic sculpture of the Neolithic and Copper Age in Southeastern Europe]. Mainz: Philipp v. Zabern, 2007, 532 p. (in German).
- Harrison R. J., Heyd V. [The transformation of Europe in the third millennium BC: the example of “Le Petit-Chasseur I b III” (Sion, Valais, Switzerland)]. *Prähistorische Zeitschrift* [Prehistoric Magazine], 2007, no. 82, pp. 129–214. (in English).
- Häusler A. [Anthropomorphic stelae of the Eneolithic in northern Pontic space]. *Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther Universität Halle-Wittenberg* [Scientific Journal of the Martin Luther University Halle-Wittenberg], 1966, no. 15, part 1, pp. 29–73. (in German).
- Jeunesse C. [The standing stones of the western Mediterranean and the steppes. New perspectives]. *Statues-menhirs et pierres levées du Néolithique à aujourd'hui* [Statues-menhirs and stones lifted from Neolithic to today]. Montpellier: Groupe Archéologique du Saint-Ponais, 2015, pp. 123–138. (in French).
- Korenevskiy S. N. *Drevneyshie zemledeltsy i skotovody Predkavkazya* [The oldest farmers and pastoralists of Ciscaucasia]. Moscow: Nauka Publ., 2004, 241 p. (in Russ.).
- Kovalev A. A. *Drevneyshie statui Chemurcheka i prilgayushchikh territoriy* [The oldest statues of Chemurchek and the surrounding territories]. Saint Petersburg: Muzey-institut semi Rerikhov Publ., 160 p. (in Russ.).

- LaGamma A. *Heroic Africans: legendary leaders, iconic sculptures*. New York: Yale University Press, 2011, 312 p. (in English).
- Lesure R. G. [Comparative Perspectives in the Interpretation of Prehistoric Figurines]. *The Oxford handbook of prehistoric figurines*. New York: Oxford University Press, 2017, pp. 37–60. (in English).
- Maillé M. *Hommes et femmes de pierre. Statues-menhirs du Rouergue et du Haut-Languedoc* [Men and women of stone. Statues-menhirs of Rouergue and Haut-Languedoc]. Toulouse: Archives d'Écologie Préhistorique, 2010, 538 p. (in French).
- Mezzena F. [The anthropomorphic stele in the megalithic area of Aosta]. *Dei di pietra: La grande statuaria antropomorfa nell'Europa del III millennio a.c.* [Stone gods: The great anthropomorphic statuary in the Europe of the third millennium BC]. Milano: Skira, 1998, pp. 90–121. (in Italian).
- Moortgat A. *Die Kunst des Alten Mesopotamien. Sumer und Akkad* [The Art of Ancient Mesopotamia. Sumer and Akkad]. Köln: DuMont, 1982, 252 p. (in Germany).
- Nechitaylo A. L. *Svyazi naseleniya Stepnoy Ukrainy i Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy* [Connections of the population of Steppe Ukraine and the North Caucasus in the Bronze Age]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 1991, 112 p. (in Russ.).
- Neweton L. S., Zarins J. Aspects of Bronze Age art of southern Arabia: The pictorial landscape and its relation to economic and socio-political status. *Arabian Archaeology and Epigraphy*, 2000, no. 11, pp. 154–179. (in English).
- Poidebard A. [Statue found at Tell Brak: April 1930]. *Syria* [Syria], 1930, vol. 11, no. 4, pp. 360–364. (in French).
- Rassamakin Yu. Ya. [Burial quetico culture in the context of absolute chronology]. *Археологія* [Archaeology], 2013, no. 4, pp. 17–41. (in Ukrainian).
- Reinhold S. [On the construction of identity in the Bronze Age of the Caucasus]. *Bronzezeitliche Identitäten und Objekte* [Bronze Age identities and objects]. Bonn: Habelt, 2012, pp. 83–106. (in Germany).
- Rezepkin A. D. *Novosvobodnenskaya kultura (na osnove materialam mogilnika Klady)* [Novosvobodnenskaya culture (based on the materials of the burial ground Klady)]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2011, 341 p. (in Russ.).
- Robb J. People of Stone. Stelae, personhood, and society in prehistoric Europe. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 2009, vol. 16, no. 3, pp. 162–183. (in English).
- Schulz-Paulsson B. Time and Stone. The emergence and development of megaliths and megalithic societies in Europe. Oxford: Archaeopress, 2017, 361 p. (in English).
- Shaposhnikova O. G., Fomenko V. N., Dovzhenko H. D. *Yamnaya kulturno-istoricheskaya oblast* [Yamnoy cultural and historical area]. Kiev: Nauka Publ., 1986, 156 p. (in Russ.).
- Shmidt K. *Oni stroili pervye khramy. Tainstvennoe svyatilishche okhotnikov kamennogo veka. Arkheologicheskie otkrytiya v Gebekli Tepe* [They built the first temples. The mysterious sanctuary of Stone Age hunters. Archaeological discoveries in Gebekli Tepe]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2011, 319 p. (in Russ.).
- Statues-menhirs et pierres levées du Néolithique à aujourd'hui* [Statues-menhirs and stones lifted from Neolithic to today]. Montpellier: Groupe Archéologique du Saint-Ponais, 2015, 455 p. (in French).
- [Statues-stelae and boulders engraved in the Europe of the Copper Age]. *Notizie Archeologiche Bergomensi* [Bergomensi Archaeological News], 1995, no. 3, 335 p. (in Italian).
- Telegin D. Ya., Mallory J. P. The anthropomorphic stelae of the Ukraine: The early Iconography of the Indo-Europeans. Washington: The Institute of the Study of Man, 1994, 129 p. (in English).
- Telegin D. Ya. [Eneolithic stelae and monuments of the Nizhnemikhaylovskogo type]. *Археологія* [Archaeology], 2011, no. 4, pp. 3–17. (in Ukrainian).
- The Oxford handbook of prehistoric figurines. New York: Oxford University Press, 2017, 976 p. (in English).
- Trifonov V. A. [Dolmen Dzhubga on the Black Sea coast of the Caucasus]. *Zapiski Instituta istorii materialnoy kultury RAN* [Notes of the Institute of the History of Material Culture of the RAS], 2014, iss. 10, pp. 104–131. (in Russ.).
- Vansina J. *Oral traditions as history*. London: James Currey Publishers, 1985, 258 p. (in English).
- Vasilev I. B. [The cemetery of the Yamno-Poltavkin time at Breeze in the Middle Volga region]. *Voprosy arkheologii Povolzhya* [Questions of archaeology of the Volga region], 2015, no. 5, pp. 4–46. (in Russ.).